

Ритмы будней

Журналисты, критики да и зрители обычно подразделяют актеров на поколения — представитель молодого поколения, среднего, старшего... Актера Государственного академического театра драмы Латвийской ССР им. А. Упита Роланда Загорского по всем критериям можно отнести к младшему поколению — в театре только четвертый сезон, ролей — около двадцати плюс четыре в кино, выступления по телевидению, радио... Вероятно, любой удивился бы, если бы молодой человек пожаловался на избыток свободного времени. Мы свыклились с тем, что XX век торопит минуты, шаги, свершения. Так же как и многим другим, Роланду Загорскому не так-то просто управляться со всеми делами. Есть у него карманный календарь — в нем расписан каждый день, каждый час. Театр, телевидение, радио, кино...

— Театр, конечно, мне ближе всего. Там я ощущаю самый тесный контакт со зрителем, чувствую, одобряет он меня или несогласен со мной. А это просто необходимо в работе. Когда выступаешь на телевидении, контакт со зрителем — вещь очень условная. На радио работать еще труднее, ведь между тобой и слушателем — микрофон, в него надо вдохнуть жизнь, чтобы он сумел твое слово донести до слушателя «живым». А это довольно сложно. Съемки в кино доставляют немало приятного, особенно если роль интересна. Мне в этом отношении повезло — Айвар в кинофильме «Качели», Гвидо — «Ель во ржи», Цезарь Цауне — в «Цеплисе» и журналист Айвар в «Прикосновении». Роли интересные. Особенно в «Цеплисе». О «Качелях» сейчас вспоминаю со стыдом — кажется, сегодня сыграл бы совершенно иначе. Вообще это чувство возникает после каждой роли. В театре работа над образом продолжается, в ходе спектакля его отшлифовываешь. А камера фиксирует момент. После этого хоть плачь — изменить больше ничего нельзя.

— Как вы относитесь к своим ролям?

— До сих пор их было только три — Принц в пьесе Евгения Шварца «Золушка» и две роли в пьесах Хария Гулбиса — Гундарс в пьесе «И все придут ко мне» и Том Клайл в комедии «Теплая милая ушанка». Над ними я очень много работал, поэтому они мне близки.

— Когда начался ваш актерский путь?

— Думаю, что еще в детстве, когда занимался в Сигулдской детской спортивной школе, когда участвовал в самодеятельности, разучивал гаммы в Сигулдской детской музыкальной школе. Всю жизнь я буду благодарен своей матери — она знает, как трудно было усадить меня за пианино или за уроки, когда мальчишки гоняли мяч или купались в Гае. Пианист из меня не получился, ни в одной олимпиаде я не участвовал, но музыкальное образование и спортивная закалка не раз меня выручили. Актером решил стать после окончания средней школы. На театральном факультете учился вместе с Дзинтре Клетнице, Эдмундом Фрейбергом, Валдисом Биргелисом, Марой Краузе, Адой Броделе, Улдисом Норенбергом, Марутой Фелдмане, Лолитой Цаука, Юрисом Петерсоном, Лигией Рубене, Атисом Кампе, Байбой Ноллендорф, Марисом Аузинем... Я назвал их имена для того, чтобы вы знали, что все «наши» сейчас играют в театрах — в Риге, Лиепае, Валмиере. Театралам их имена хорошо известны. Годы учебы были самыми прекрасными. Много работали. Потому «боевое крещение» — дипломную постановку пьесы Л. Жуховичского «Верхом на дельфине» — выдержали. Для меня это была серьезная проверка: я играл главного героя — журналиста Королева.

— Простите, пожалуйста, боитесь ли вы чего-либо в жизни?

— Да. Боюсь нечаянно огорчить мать. Она, простая стряпчица, всегда поощряла во мне тягу к знаниям, дала возможность учиться, хотя ей это досталось нелегко. Я всегда буду перед нею в долгу.

Боюсь прийти когда-либо к мысли, что исчерпал свои творческие возможности. Боюсь выпасть из каждого дня, когда работа забирает весь день. Труд умножает мои силы. Труд прогоняет «черные мысли», которые одолевают, когда не удается роль или вообще не везет.

— Довольны ли вы своей профессией?

— Люблю свою работу, однако думаю продолжать образование. Пока, правда, мне самому не все ясно, поэтому о замыслах говорить рано.

Ну, что ж. Есть работа, есть роли. А самое главное — желание работать, стремление идти вперед.

Т. Шайтере